

Рогозина Наталья Михайловна

ПОРТРЕТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В МЕМУАРНОМ ЦИКЛЕ А. М. ФЕДОРОВА "ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ"

В настоящей статье анализируются неопубликованные очерки А. М. Федорова о русских революционерах А. Коллонтай, Е. Брешко-Брешковской и В. Воровском, вошедшие в цикл "Встречи и воспоминания". Писатель-эмигрант оставил уникальные документы своей эпохи - многочисленные литературные портреты современников, в том числе и политических деятелей начала XX века, занявших видное место в национальной истории. Материалы мемуарного цикла представляют собой заново прочитанные и расшифрованные черновые автографы очерков из личного фонда писателя, впервые публикуемые в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

общения; сочетание системного, деятельностного и культурологического подходов в разработке технологии формирования межкультурной коммуникации; диалогичность; межкультурное сравнение; четырехфазность формирования межкультурной коммуникации; межкультурный потенциал учебного текста; использование преимуществ изучающего чтения; взаимосвязь предтекстовой работы, первичного и повторного чтения и послетекстовой работы. Все они имеют значимость для формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранных студентов-филологов чтению на русском языке.

Список литературы

1. Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И. А., Лысакова И. П. и др. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / под ред. А. Л. Бердичевского. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 184 с.
2. Галанова О. А. Диалогичность как ведущий принцип современной парадигмы образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 13 (141). С. 161-163.
3. Герасимова И. Г. Формирование межкультурной компетенции студентов геологических специальностей в процессе обучения профессиональному общению на английском языке: дисс. ... к. пед. н. СПб., 2010. 229 с.
4. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Каро, 2005. 352 с.
5. Ибрагимова А. Н. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе интерпретации иностранного художественного текста: дисс. ... к. пед. н. Казань, 2008. 202 с.
6. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.
7. Тыхеева Н. С. Формирование межкультурной компетенции при обучении иностранному языку на языковых курсах (на материале французского языка, начальный этап): дисс. ... к. пед. н. СПб., 2005. 263 с.
8. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация в теории и практике преподавания иностранных языков в вузе: монография. Саранск, 2009. 164 с.
9. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 124 с.
10. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.

PRINCIPLES OF FORMING INTERCULTURAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS–PHILOLOGISTS TO READ IN RUSSIAN

Ravdanzhamts Urgamal
Saint Petersburg State University
rurgamal@mail.ru

The article examines the principles of forming intercultural competence with the foreign students-philologists in the process of teaching reading the Russian texts. The author characterizes eight principles identified on the basis of the analysis of the process of intercultural communication, process of reading and the regularities of the formation of the intercultural competence.

Key words and phrases: Russian as a foreign language; principles of teaching; intercultural competence; intercultural communication; teaching reading.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В настоящей статье анализируются неопубликованные очерки А. М. Федорова о русских революционерах А. Коллонтай, Е. Брешко-Брешковской и В. Воровском, вошедшие в цикл «Встречи и воспоминания». Писатель-эмигрант оставил уникальные документы своей эпохи – многочисленные литературные портреты современников, в том числе и политических деятелей начала XX века, занявших видное место в национальной истории. Материалы мемуарного цикла представляют собой заново прочитанные и расшифрованные черновые автографы очерков из личного фонда писателя, впервые публикуемые в России.

Ключевые слова и фразы: неопубликованные очерки; писатель-эмигрант; литературные портреты; автографы; личный фонд; мемуарный цикл; Серебряный век.

Рогозина Наталья Михайловна

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
rogozina_1951@mail.ru

ПОРТРЕТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В МЕМУАРНОМ ЦИКЛЕ А. М. ФЕДОРОВА «ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ»©

В мемуарном цикле писателя-эмигранта А. М. Федорова «Встречи и воспоминания» среди литературных портретов его современников, прозаиков, поэтов, актеров упоминаются имена революционеров и политиков;

автор воссоздает исторически значимые и личные детали их жизни и деятельности и, наконец, оставляет очерки о жизни многих из тех, кто сыграл важную роль в его литературной судьбе. Федоров, как известно, не примыкал ни к общественным организациям, не участвовал в революционных событиях 1905-1907 годов, не принял Октябрьскую революцию 1917 года. Но он, как и большинство писателей, его современников, был близко знаком с выдающимися деятелями нового времени – Г. В. Плехановым, Л. Троцким, Г. Котовским. О многих из них Федоров написал и опубликовал мемуары, однако, в неизданном цикле «Встречи и воспоминания» нами обнаружены уникальные автографы очерков о матросе мятежного броненосца «Потемкин» А. Матюшенко, записки об А. Коллонтай и «бабушке русской революции» Е. Брешко-Брешковской, мемуарно-биографический портрет «В. В. Воровский», черновые наброски воспоминаний о Г. Котовском и другие.

Среди многочисленных небольших заметок мемуарного цикла – одно из первых и наиболее ранних упоминаний о встречах с революционерами «Воспоминания о Плеханове»: *«Летом 1901 г. я с женой и сыном шести лет приехал в Женеву»* [9, л. 1]. В 1901 году Г. В. Плеханов – организатор «Заграничной Лиги русской социал-демократии», и очевидно, что встреча Федорова, ставшего известным писателем в России, с Плехановым не случайный, а хорошо обдуманый факт биографии. Так и во время путешествия в 1906 году в Америку писатель намеренно сближается с матросом А. Матюшенко, руководившим восстанием на броненосце «Потемкин» в июле 1905 года: «В Нью-Йорке в одном из кварталов *down-town* помещались два русских клуба: клуб социалистов-революционеров и клуб социал-демократов. <...> Мой приятель познакомил меня с Матюшенко» [13, с. 37]. Ярчайшие личности своего времени, встреченные им в разное время, до восстаний и бунтов 1905 года: Плеханов – один из первых марксистов, матрос Матюшенко с мятежного «Потемкина», Г. Котовский, «*вчерашний разбойник, <...> будущий маршал Советской республики*» [5, л. 1] и «*знаменитый бандит*» – герои очерков [6]. Они олицетворяли революционное движение с противоположных социальных позиций, потому и очерки Федорова – одни из наиболее ярких страниц в мемуарном цикле. Черты характера, детали поведения, малоизвестные факты, которые были известны автору при близком знакомстве с героями, дали богатый литературный материал, использованный в повестях и романах, придавая особую убедительность и выразительность образам «новых людей» в произведениях Федорова. Однако в мемуарном цикле именно портреты современников, в частности, русских революционеров, имеют для писателя значение как самостоятельный жанр, формирующийся из фрагментов записок по реальным впечатлениям.

В литературной судьбе талантливого писателя-самоучки Федорова, богатой на события и лица, встречи с дворянами, представителями революционной интеллигенции, были часто эпизодами, значимость которых он оценил лишь по прошествии нескольких лет, уже в эмиграции. Таковы очерки о революционерах Е. Брешко-Брешковской (1844-1934), эмигрировавшей из России, и А. Коллонтай (1872-1952), первой в мире женщине-министре, находившейся на дипломатической службе в Швеции, Мексике и Норвегии с 1923 года по 1945 год. Восхищение и уважение, искренняя симпатия к их личным качествам – такова эмоциональная доминанта этих очерков, акцентированная лирической интонацией, сближающей мемуарные очерки с прозой писателя. Автор пытается понять, что заставило их, оставив привычный образ жизни, уйти из семьи, изменить представление об общественной роли женщины в России и в мире. Несмотря на лиризм очерков, точка зрения автора-мемуариста обусловлена конкретными фактами жизни его героев, датами, историческими деталями, малоизвестными русскому читателю – рассказывая о таких подробностях, Федоров безошибочно выбирает ракурс для литературного портрета. Историческая личность изображена с близкого расстояния, но героические детали намеренно чередуются с обыденными, негероическими – они даны в ироническом и шутовском контексте, что особенно подчеркивает дружественность отношений автора и персонажа, несмотря на различия их социального положения. Федоров чувствует себя равным с известными революционерами, находит среди них прототипы своих будущих произведений – это признаки мировоззрения писателя-самоучки, созвучного самому бурному времени порубежной эпохи и взглядам ее «новых людей».

Мемуарные очерки о русских революционерах автор датирует 1903 годом, когда герои его записок, Воровский и Брешко-Брешковская, находились в Одессе на нелегальном положении. Невозможно определить, встречались ли они лично между собой, так как Федоров не пишет об этом, но бесспорно, что воспоминания вносят дополнительные характерные штрихи и к портрету самого писателя, сочувствовавшего революции в эти годы. В мемуарных очерках внимание читателя сосредоточено на личности автора, повествуя об индивидуальной неповторимости фактов, лиц, событий, явлений, за которыми раскрываются общие жизненные закономерности в малоизвестном читателю контексте биографии Федорова 1903-1905 годов.

Эти записки начинаются с точной даты событий: «*В 1903 году Одессу посетили две прославленные революционерки – одна <...> Е. К. Брешко-Брешковская, другая <...> – Александра Коллонтай. Я был в продолжительном плавании на Дальний Восток, когда Екатерина Константиновна (бабушка) скрывалась у нас на даче два месяца под видом няньки моего маленького сына Виктора. В 1917 году она снова вернулась на несколько дней в Одессу, пока не представился ей счастливый случай с ее подложным паспортом уехать в Америку. <...> моя жена рассказывала мне очень много интересного об этой удивительной женщине, которая и ее травила в революционное сотрудничество»* [7, л. 1].

Автор описывает события, которые являются частью его биографии, ещё раз переживает самые яркие события в своей жизни, рассказывает о героях – «новых людях», создавая образ эпохи в литературных портретах. Именно воспоминания позволяют А. Федорову через авторское слово разобраться в самом себе, показать «изображение души». Поэтому тема революционной борьбы и лирические интонации в изображении «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской и А. М. Коллонтай, поразившей писателя своей красотой, как и одного из будущих лидеров Советской России, В. В. Воровского, придают художественно-публицистическому стилю мемуаров признаки художественного повествования. Среди современных

воспоминаний о выдающихся общественных деятелях России [11] и мемуаристики русского зарубежья [12] цикл «Встречи и воспоминания» Федорова занимает особое место, так как многие его лица послужили прототипами героев художественных произведений писателя.

Федоров рассказывает о фактах своей биографии, сделав ее контекстом воспоминаний о русских революционерах: *«Мой дом стал прибежищем для разных таинственных для меня незнакомцев, для партийных собраний, а во время погромов – и убежищем <...>. Во время погрома жена с красным крестом разъезжала по <...> еврейским кварталам, <...> привозила детей, пострадавших и еще не успевших пострадать от погромов, и таким образом, спасла немало народа. <...> Скрывались у нас, собирались и приходили с “явкой” люди всех революционных партий. Я всегда думал, что принадлежать к той или другой партии столько же дело убеждения, сколько сердцу и темпераменту – дело вкуса. Невелика премудрость постигнуть основы народничества, секреты терроризма, и даже – диалектического материализма. Другое дело – философская и стройная научная разработка тех или других политических течений. Справедливость моего заключения скрывается особенно на женщинах, как на натурах более податливых к чувствам, чем к непреложным выводам рассудка и опыта. Но если женщина становится верноподданной диалектического материализма, никакой рычаг не сдвинет ее с этой позиции. Такова Александра Коллонтай. <...> За два-три года до знакомства с А. М. Коллонтай в Петербурге при мимолетной случайной встрече с ней в Одессе, как раз перед моим уходом на Дальний Восток, я шел с моим шестилетним сыном по маленькому переулку “Отрада”, который упирался в сад, выходящий в море. Было 1-е апреля. В эту минуту навстречу нам, вся освещенная солнцем, шла молодая красивая женщина, девушка в костюме, отлично сидевшем на ней, такого же темно-лилового тона, как тень на панели. <...> все ее существо чувствовало, что ее ждут счастливая удача и победа» [7, л. 2].*

Поэтический ореол необыкновенной женщины и «верноподданной диалектического материализма» сопровождает мемуарный портрет А. Коллонтай; иной ракурс избран в изображении Е. Брешко-Брешковской – автор акцентирует прежде всего качества «удивительного» человека, умеющего ««вправить» в сотрудничество окружающих». Такие образы женщин, выдвинутых русским революционным движением, поражали современников контрастом женственности и одержимости идеями борьбы [11]. В мемуарах о Брешко-Брешковской М. Осоргин пишет, что и ему она запомнилась в сибирской ссылке 1910-1917 годов этими качествами «удивительного» человека: «Может быть, при близком знакомстве Бабушка Русской Революции и поражает людей свирепостью и кровожадностью, хоть и не вяжется это как-то с портретом старой русской женщины в белом платке, с добрыми глазами и славной улыбкой уст, так часто произносящих имя Божье. Биография старого человека вообще – чудо; жизнь Бабушки – чудо тройное, настоящая поэма. Это даже не биография, а сама живая Россия в красках и музыке. По ней можно учиться читать, смотреть и слушать. А понатужившись – и понимать» [10, с. 39].

Увлекательно и проникновенно, с большой теплотой рассказывает Федоров о В. В. Воровском: автор создает портрет, насыщенный яркими живописными деталями внешности, характера, и, вспоминая о знакомстве, дружбе, рассказывает об истории с созданием «русской Марсельезы», к которой его пытался привлечь Воровский: *«В Петербурге в недолго существовавшем ежемесячном журнале <...> писателя-инженера Гарина-Михайловского познакомился я с молодым писателем-публицистом Вацлавом Вацлавовичем Воровским (1871-1923), печатавшимся под псевдонимом – В. Орловский. Блондин с небольшой отлично подстриженной бородой с довольно красивым интеллигентным лицом, с приятной манерой говорить и слушать. Его фигуру можно было бы назвать стройной и даже изящной, если бы он не гнулся слегка в пояснице. <...> В скором времени я узнал в Одессе, что Воровский лежит в лечебнице и посетил его. Он почти виновато сказал: “Нож в спину русской революции!” (подчеркнуто – А. Федоров). Мы сблизились с ним, а наши жены подружились, и Воровские часто навещали нас на даче. <...> Все мы были достаточно молоды, что даже зная о неизбежности грозящих трагедий, не хотели опасаться, что они могут заключить и нас в свой безвыходный огненный круг. Все скорее представлялось, как спектакль, чем как действительность. Пусть и сами мы являемся не зрителями, а участниками этого представления, все же мы лишь исполнители роли и самая смерть – не настоящая смерть. Упал занавес. И опять мы встаем, как ни в чем ни бывало, под аплодисменты взволнованной публики. <...> Конечно, Воровский-то разбирался в происходящем лучше, может быть, чем кто-либо во всей Одессе, но он меньше, чем кто-то выказывал это перед другими. Он оставался все тем же при этом улыбающимся, спокойным и деликатным, иногда даже дурачливым и все же загадочным человеком» [7, л. 3].*

С Воровским связан любопытный эпизод в творчестве Федорова: с его слов, большевики дали ему поручение – «написать стихотворение-песню, <...> своего рода русскую революционную “Марсельезу”». В ответ на это предложение он «колебался», но «в конце-концов, <...> уступил, <...> и сколько ни старался, ничего путного не вышло». Несмотря на «творческую неудачу», «приятельство <...> осталось нерушимым до конца». Федоров с искренней горечью утраты пишет о гибели Воровского, о том, какую память он оставил о себе: *«Известно, что Воровский как человек образованный, умный, тонкий и знающий иностранный язык был отправлен посланником в Италию и может быть потому именно, что был он добр и мягок по душе, несмотря на непоколебимую твердость в своих марксистских убеждениях, ему было тяжело оставаться в Москве, в железные дни, в начале революции. Слепой <...> враг большевизма не разбирал человеческих качеств и достоинств, выстрелом из револьвера убил его в Женеве и так уничтожил одно из живых звеньев, связующих разных по партиям, но одинаково любящих свою родину людей. Потрясенная этой утратой, вскоре умерла и жена Воровского. <...> В моем доме в Одессе, превращенном в дом отдыха для писателей, после моего ухода из Одессы оставалась корзина с вещами Воровского, среди которых было две старинные иконы, которыми Воровский очень дорожил, как реликвиями отчего дома» [Там же, л. 4].* Личность «нового человека», сформировавшегося в годы борьбы, в изображении Федорова – символ самого героического и противоречивого бурного времени.

Фрагменты очерков-портретов о русских революционерах датируются вначале 1903 годом, но, очевидно, что, например, к воспоминаниям о Воровском писатель обратился еще раз в 1923 г., завершая их в эмиграции как некролог. Соединив жанровые разновидности мемуарных очерков в одно целое, Федоров в записках «В. Воровский» восстанавливает целый пласт и своей интересной литературной судьбы, в которой важную роль сыграли не писатели, не поэты, а политик-революционер. Искренность в отношениях, глубокое взаимное уважение и даже увлеченность поэзией – все это способствовало их дружбе, но важнее было ощущение восхищения, которое автор не скрывает: он сблизился с Воровским в 1903 году, когда приобретает литературную славу, знакомится с Горьким, Буниным, Куприным, Чеховым, но, преклоняясь перед ними, на всю жизнь сохраняет память о Воровском как о человеке необыкновенной нравственности, яркой судьбы, однако, так и не разделяя его политические взгляды.

В контексте мемуарного цикла очерк-портрет «В. Воровский» героического характера оттеняет лирический ракурс женских портретов «новых людей» Е. Брешко-Брешковской и А. Коллонтай – живые легенды порубежной эпохи России, оставленной Федоровым навсегда. Как писал И. А. Бунин в письмах к своему другу Федорову из Парижа, не скрывая глубокой тоски о родине, о которой они вспоминали, ради которой творили; ее любили, как каждого из героев своих произведений: «Вообще живется не весело и всегда с вечной тревогой за кусок хлеба на завтра. <...> всей душой сочувствую твоей муке за семью. <...> Дорогой, всегда очень больно, когда ты пишешь <...>. Дай тебе Бог Силы» [8]. Слова Бунина с пожеланием сил к жизни в «вечной тревоге» первых лет эмиграции, с потерей массового русского читателя и литературных связей, которые питали их творчество, обращают писателей к памяти о прошлом, ставшем источником вдохновения вдали от России, к личностному субъективному контексту. Задолго до революции 1917 г., изменившей их судьбу, об этом говорил и А. Федоров в автобиографии – о собственной жизни, запечатленной в произведениях, «много писал, много путешествовал, но все это известно, и не мое дело писать об этом периоде моей жизни, который весь отразился в моих книгах» [14, с. 57].

Мемуары занимают в творчестве А. М. Федорова место одного из ведущих прозаических жанров с начала XX века. Впоследствии в эмиграции воспоминания приобретают особую значимость, по его словам, как документальное свидетельство эпохи «*российского <...> раскола*» [4]. Оторванность от родной земли, как это было и со многими другими писателями русского зарубежья, наложила свой отпечаток на творчество Федорова, обусловив обращение к мемуарной прозе. Прочтение мемуаров писателя, начатое в связи с изучением истории литературы русского зарубежья, открыло читателям цикл Федорова «Встречи и воспоминания» – один из ценных источников изучения эпохи Серебряного века.

Список литературы

1. **Акимова Т. И.** Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 1. С. 13-16.
2. **Архипова И. С.** Из истории «литературной записи воспоминаний» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 2. С. 18-22.
3. **Краснопольская Н. Е.** Во имя любви к человечеству... Документальная повесть о В. В. Воровском. М.: Политиздат, 1981. 288 с.
4. **Культурный центр Дом-музей М. Цветаевой (КЦ ДМЦ).** Фонд Федорова. КП 1290/7-8. б/даты. черн. автограф.
5. **КЦ ДМЦ. Фонд Федорова.** КП 1291/1-3. б/даты. черн. автограф. лл. 1-3.
6. **КЦ ДМЦ. Фонд Федорова.** КП-1296/7. б/даты. черн. автограф.
7. **КЦ ДМЦ. Фонд Федорова.** КП 1298 /1-10. б/даты. черн. автограф.
8. **КЦ ДМЦ. Фонд А. М. Федорова.** КП 1298/3. б/даты. черн. автограф. 5 лл.
9. **КЦ ДМЦ. Фонд Федорова.** КП 1303 /1-11.
10. **Осоргин М. А.** Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. 79 с.
11. **Соломатина О. А.** Биографии и мемуары. Женщины-легенды. Сильный слабый пол. М.: Эксмо, 2012. 132 с.
12. **Троцкий Л. Д.** Портреты революционеров. М.: Изд-во Моск. рабочий, 1991. 153 с.
13. **Федоров А. М.** За океан. СПб.: Изд-во Прометей, 1909. 211 с.
14. **Фидлер Ф. Ф.** Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. 268 с.

THE PORTRAITS OF REVOLUTIONARIES IN THE MEMOIR CYCLE “MEETINGS AND MEMORIES” BY A. M. FEDOROV

Rogozina Natal'ya Mikhailovna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
rogozina_1951@mail.ru

The present article analyses the unpublished essays of A. M. Fedorov about the Russian revolutionaries A. Kollontai, E. Breshko-Breshkovskaya and V. Vorovsky included in the cycle “Meetings and Memories”. The writer-emigrant left the unique documents of his era – numerous literary portraits of contemporaries, including political figures of the beginning of the XX century, occupied a prominent place in the national history. The materials of the memoir cycle are the re-read and decoded draft autographs of the essays from the writer’s personal fund, which is for the first time published in Russia.

Key words and phrases: unpublished essays; writer-emigrant; literary portraits; autographs; personal fund; memoir cycle; the Silver age.